Сетевой поэт из Архангельска. 40 лет. Экономист. Автор сборников стихов “Медленные сюрикены бабочек (2013) и “Удалённый доступ (2014).

ТВОЮ ДИВИЗИЮ

твою дивизию сняли с марша — латать прорехи любой ценой. радистки в штабе — такие маши, что забываешь про позывной. пусть на исходе и рис, и рислинг, зато махорки ещё сполна. холодный лоб допекают мысли о том, что завтра была война, что в рукотворных полях под Ржевом уже заряжено вороньё, и солнце тщетно забилось в жерла — такое близкое и своё, и каждый первый боится сгинуть, а каждый третий зовёт Отца, но строго смотрят с портрета в спину усатый вождь и двуглавый царь, толкая грудью на амбразуры, не жаль патронов и кумача, ведь вбито накрепко: пули — дуры, а штык — особенная печаль.

твою дивизию враг не любит и накрывает огнём с небес — опять мешаются кони, люди, железо, дерево и свинец. и вот в такой трансцендентной каше вариться заживо дан приказ. орудий туберкулёзный кашель, воронки, взрывы, кровавый наст — по-настоящему, больно, насмерть. бежать, захлёбываясь «ура», бог завещает армейской пастве — добро с винтовкой добрей добра, а это значит: назад ни шагу. сто грамм для храбрости, и в окоп. и снова трассеры вместо радуг дырявят сонное молоко, которым выпиты синь и осень, иприт и радий. и поутру одни других умереть попросят, руками трогая кобуру.

твою дивизию, как несладко сгорать в землянках и блиндажах, когда атак родовые схватки торопят тужиться, чтоб дожать, когда захлёбывается ветер прогорклым дымом, сухой слюной, и мертвецами былых столетий опять бахвалится перегной. невесть кому посылать угрозы, чертей контуженных звать на бис, всерьёз лелеять последний козырь — последний выстрел длиною в жизнь, смеяться танкам в стволы и траки — достанет сил ли? красны бинты. но с душ посыпались ржа и накипь в ладони выжженной пустоты. и ангел в каске смеётся рядом...

но словно пеплом швырнёт в лицо, когда представит страна к наградам твою дивизию — семь бойцов.

03.09.12.

ДЕТИ ИГРАЮТ В БОГА

Дети играют в бога,
Их захватил процесс.
Детям совсем немного
Надобно для чудес:
В тайном собраться месте,
Маме запудрить мозг.

Тот, кому выпал крестик,
Гвозди с собой принёс.

Всё любопытно детям,
Чтение — не порок.
Из глубины столетий
Смотрит воскресший бог —
Тихо, без истерии —
Он узнаёт игру.

Та, что теперь Мария,
Тихо скулит в углу.

Действом доволен каждый:
Яшка, Петруха, Дрон.
Ночь незаметно сажей
Пачкает небосклон,
И по домам ребята
Шпарят. Их жизнь легка.

Только на роль Пилата
Нет никого пока.

21.06.11 г.

МАМА ДОМЫЛА РАМУ

Август пропах шафраном, сеном и курагой.
Мама домыла раму. Папа ушёл к другой —
Взбалмошной и бездетной. Папа хотел давно.
Ветер ольховой веткой ночью стучал в окно.

В ранец досаду прячу, горькую, как полынь.
Мама уже не плачет — моет теперь полы.
Шастает тихой сапой осень по проводам.
В пятницу пьяный папа сдуру ломился к нам.

Детство осталось где-то хламом на чердаке.
Тройки по всем предметам, «неуды» в дневнике.
Жизнь педагогом истым вдалбливает урок.
Дома светло и чисто — мама намыла впрок.

30.08.11.

ЖИТИЕ ТВОЁ

Живёшь без домика в деревне — в бетонной лесополосе,
Не замечая ежедневно, что привыкаешь быть, как все:
Не морщась от ментальной вони, когда поднимется рука
Дать нищей бабушке червонец, а полицейскому — штукарь,
Давно не путаясь в маршрутках и, как прожженный Масляков,
Не улыбаясь глупым шуткам до славы жадных остряков,
В наш век жестоких лжепророков и словоблудия властей,
Где истекает липким соком Иисус на медиа-кресте,
Где тут же спрашивают «сколько?», едва успеешь предложить,
Где перманентная помойка приятней пропасти во ржи.

Живёшь и думаешь — ночами (чтоб не читалось по глазам),
Что ты б давно уже отчалил в бригаду метропартизан,
Вот только дети-спиногрызы да ипотеки мёртвый груз...
И пьёшь, пропущенный, как вызов, отдьюти-фризенную грусть,
И — утомлённый принтер-спринтер —
к призам пленительных реформ —
Бежишь казённым лабиринтом чужой карьерный марафон,
Хоть пьедестал тебе не светит, а светят язва и инсульт.
И отдыхаешь в интернете, куда все грязь свою несут,
Где открывают псевдо-души и мастурбируют на боль,
И где так просто в чаде чуши быть настоящим не-собой.

Живёшь не хуже, чем другие, всегда завидуя другим,
С приобретённой ностальгией по временам кромешной зги,
И ничего менять не хочешь — так трудно всё начать с нуля,
И сумму чёрствых одиночеств зовёшь «приличная семья».
Вовсю сливаясь с общей массой, остерегаясь громких слов,
На губы лепишь «Правды» пластырь за прошлогоднее число,
Всё ждёшь, как в детстве, — дней рождений,
когда же кончится мультфильм,
Где наконец завалят Кенни, среди тупиц и простофиль
Учась прикидываться шлангом. И зря не веришь в чудеса:
Твой персональный падший ангел уже устал тебя спасать.

15.06.12 г.

ИДИ НА СЕВЕР

Когда тебе наскучит этот вздор,
Уверенный в своём предназначенье,
Иди на север — север будет добр,
Как старые скрипучие качели,
К любому второклассснику. Пока
Ты из себя выдавливаешь осень,
В его зрачках набухнут облака,
Испачканные в медном купоросе.
И вы друг другу сбудетесь. И свет
Прильнёт к окошку старого вокзала.
Ты молча сунешь несколько монет
Потомку обрусившихся хазаров,
Чтоб он налил в захватанный стакан
Сто честных граммов местной бормотухи...

Жужжат, жужжат настойчивые мухи
Заоблачного ткацкого станка,
Но кто-то главный в чёрном пиджаке
Уже поставил подпись под приказом.
Всё кончится безропотно и сразу,
А значит — путешествуй налегке,
Ведь самая крутая в мире вещь —
Совсем не вещь. Я знаю, ты догадлив.

Иди на север. У тебя оплечь
Не крест, не камень, не пугливый ангел —
Одна любовь. Последняя. Одна.
И если ты устал, то волен бросить
И позабыть. Но грош тогда цена
Тому, кто был всегда победоносен.
А потому не спрашивай, иди:
Ползи-беги-лети-плыви на льдине.
В одном из неслучайных «впереди»
На севере давно готово имя,
Которое дородная Рахель
Тебе в уста простой облаткой вложит.

И сын найдёт твой перочинный ножик
В своём столе за тридевять земель.

А впрочем, это вздор. Всё это вздор...

04.10.13 г.

КАРТОФЕЛЬНЫЕ СНЫ

превозмогая старую вражду, ноябрь не льёт на землю слёз прощаний.
по погребам варенья с овощами в анабиозе сытой смерти ждут.
им дела нет до тщаний и потуг крестьянских — всё равно всё будет плохо.
и видит сны проросшая картоха, глазками внутрь вбирая темноту.
ей снятся кофе, печка и постель, старушка в кацавейке затрапезной,
короткая история болезни да список забракованных страстей.
в её тревожном сне, как наяву, мурлычет кот уездного пошиба,
поёт псалмы на польском грустный Шива, ложится дождь на мятую траву,
и вот уже бегут по проводам не ставшие взрослее Мишка с Пашкой,
и светит солнце в рюмке с горькой бражкой в далёкие стихи и города.

приблудный мир, как новогодний шар, летит себе по замкнутому кругу.
картофельному сну навеет вьюга, придав ему — не шарф колючий — шарм,
пушистого шмеля на васильке, изюм на блюдце и звезду в колодце.
потом картинка резко разобьётся об облако, ушедшее в пике —
за горизонт, за родину, за нас, умеющих любить и ненавидеть,
ломающих себя, как створки мидий, слепых на неоткрытый третий глаз,
в котором, словно стыдный диафильм, прокручивает память плёнку детства.
и никуда от этого не деться, покуда длится нынешняя быль,
и спит картошка в ящике с песком. и ей одной неторопливо снится,
как тает снег на грубой рукавице, и рыба Время ест минутный корм.

и там, где эти сны лежат внахлёст, уже мерещит аист маме сына,
и стайки недоверчивых косынок несёт густым течением на плёс;
на тишину карминовых небес закапывают мёртвую собаку,
и плачут упоённо ветви сакур, роняя лепестков пугливый вес.
весь краткий миг цветного забытья легко влезает в новый школьный ранец,
но всех не спящих терпеливо ранят его на редкость острые края
с отдушинами грёз и витражей, с торчащими штырями арматурин.
пусть чей-то смех, заносчивый, как шурин, ломает ветра северного жердь,
пусть в горле ночи комом — мяч луны, а звёзды бесконечно одиноки,
стоят рекой осенние осоки, идут в кино картофельные сны.

31.07.12.